

ную амальгаму: «После школы Нюта иногда приходила посидеть у него в подсобке, во все глаза наблюдая, как его пухлые, но точные руки наносят амальгаму на стекло, режут по формату, готовят подкладки на «спину» – чтобы зеркало не билось». [2, с.142]

Из приведенного контекста видно, что автор отсылает читателя к пратексту, используя в качестве имен собственных библейские имена. Очевидно, библионимы занимают очень сильные позиции в когнитивной базе носителей культуры, к которым, безусловно, относится автор текста «Почерк Леонардо» Д.И. Рубина.

Во взрослой «зеркально-цирковой жизни» Анна станет женой Владимира. Имя собственное Владимир включает в себя два корня: "влад" (владеть, власть) и "мир" (мирный, мир). Владимир – "владеющий миром", "властелин мира". Он примет дар Нюты как таковой. Будет оберегать ее богатый внутренний и необычный мир, пока та не решится уйти от мужа к другому. И тогда он в ревности и ярости набросится на хрупкую девушку, и ударами разрушит часть ее зеркального мира. Анна тонка с самого детства, подобно зеркалу. Она не может вступать в драку: «Так она узнала, что ей нельзя на человека руку поднимать. Что рушатся какие-то зеркала в залобной части. Разлетаются в осколки... И очень медленно восстанавливаются». [2, с.270] Позже Владимир поймет, что больше не имеет власти над «зеркалами Нюты».

Таким образом, сопряженные антропонимы романа Д.И. Рубиной «Почерк Леонардо» организуют целостную систему семантического поля, относящегося к типу «Божественного»: Анна (пророчица), Мария (Богоматерь), Семен (Услышанный Богом), Элизер (помощь от Бога).

Приведенные антропонимы проецируются на личность читателя и ментальную модель произведения, которая является творческим индивидуальным переосмыслением художественного мира текста.

В заключении отметим, что антропонимическое пространство произведения насыщено и многообразно, не содержит случайных имен собственных и сопряжено с контекстом. Здесь же имя обладает функционально-эстетической ценностью и его подбор в произведении «Почерк Леонардо» – целенаправленный процесс, служащий воплощению авторского замысла.

Литература

1. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург / Н. А. Кузьмина. – Омск, 1999. – 124 с.
2. Рубина, Д.И. Почерк Леонардо / Д. И. Рубина. – М.: Эксмо, 2014. – 345 с.

M.S. Budko

Minsk Secondary school №148

e-mail: melkiy@tut.by

Anthopological Polyphony in the Dina Rubina's Novel Leonardo's Scribble

Key words: anthroponyms, onomastics, intertext, contextual connections, biblical motifs

This article deals with study the proper names, their correlation with the pretext, references to intertextual relations and the interaction of names in the construction of the plot of the work.

Е.Н. Букотина-Исупова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

e-mail: zvezdaplenitelna@mail.ru

УДК 821.161.1-344:94(470-25)

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ МОСКВЫ В РАССКАЗЕ «ПЕТУШОК» АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

Ключевые слова: мифопоэтика, автобиографическое пространство, мотив юродства, народный вариант православия, символический подтекст.

В статье раскрываются приемы мифопоэтизации образа Москвы в прозе Алексея Ремизова на примере рассказа "Петушок", такие как индивидуально-авторская семиотизация географического и исторического пространств, актуализация мифа о Китеж-граде, создание народно-православного мотивно-образного комплекса.

До эмиграции писатель Алексей Ремизов успел увидеть, как глубоко православная, проникнутая старинной народной культурой Москва, его родной город, была «изуродована» революционным переворотом. Ведь Москва, в которой живут герои Ремизова, – не столько исторический Третий Рим, носитель религиозно-политической, мессианской роли преемника величия Римской империи, а православный, мифологический, почти сказочный Китеж-град, в котором творятся чудеса, живут «божьи люди» и юродивые, а православные святые и небесная Троица существуют не

только в строгих церковных молитвах, а в ежедневном жизненном укладе. И Москва – «Китеж-град», на глазах Алексея Ремизова, исчезает в пучине-водовороте революционных событий.

Восприятие мира как чуда и тревожные предчувствия отчетливо прослеживаются в рассказе «Петушок», который Ремизов написал в 1905–1911 годах и отредактировал в 1922 году. В этом рассказе Ремизовым наиболее ярко выражена народно-православная символика. Московское пространство для главных героев «Петушка» расположено в координатах чудесного и волшебного, потому что они открыты Чуду и верят в Бога.

С самого начала показан мир ребенка в его непосредственности, склонности к озорству. «Петька, мальчонка дотошный, шаландать куда гораздый, увязался за бабушкой на богомолье. То-то дорога была <...> И страху же натерпелась бабушка с Петькой и опаски <...> А Петька поморочил-поморочил бабушку, да вдруг и подносит ей полную горсть не червяков, а земляники <...> Петьке все хотелось мощи посмотреть, что там внутри находится, приставал к бабушке, а бабушка говорит: „Нельзя, грех!“». После этого он на колокольне «ухватился за веревку, чтобы позвонить. Еще, слава Богу, монах отташил, а то долго ли до греха». Мальчик и шутит, и озорничает, но видим, как любит свою бабушку. Он простодушно, беззлобно мечтает стать разбойником и уйти в монастырь: «В монастыре хорошо, ризы-то какие золотые, и всякий Божий день лазай на колокольню, никто тебе уши не надерет, и мощи смотрел бы. Монаху все можно, монах долгогривый» [1, с.542–544].

Через призму детского восприятия Ремизов наглядно демонстрирует наивно-предметное мышление детей, желающих быть поближе к чуду:

«– Бабушка, все от яичка? – Пошли ей Господи! <...> И Петька дни считал и беспокоился не меньше бабушки, <...> забыл он, что яйцо им самим подложено, и верил в яйцо куриное, как в настоящее» [1, с.554–556]. Здесь необходимо отметить, что яйцо с древности у разных народов является одним из первых религиозных символов создания мира, происхождения, надежды, солнца, весны жизни, плодородия [2]. Русский фольклор дает представление о яйце, как символе бессмертия (смерть Кощея – в яйце), модели мира («Курочка ряба»), частей времени (загадки). В христианстве яйцо – главный символ воскресения, бессмертия, вечной жизни. Кроме того, яйцо соединяет в себе символику безопасности, дома, гнезда, с воображаемым птенцом, которому еще предстоит выйти наружу, в Жизнь. Так мы можем провести параллель: яичко, а затем появившийся из него на свет петушок – это и есть Петька, у которого и прозвище – Петушок, сейчас весна его жизни, а впереди – надежда, будущее. А потому и в вопросе его: «Бабушка, все от яичка?» – сакральный смысл. Алексей Ремизов использует здесь прием параллельной парности образов: старая индюшка, доживающая свой век, и «индейский» петушок – это бабушка и Петька.

Тем более безысходно для героев революционное будущее – хаотическое, неясное, грозящее разрушить веками сложившийся чудесный мир. Здесь уместно вспомнить некоторые другие произведения Ремизова, созданные писателем в тот же период и несколько позже. Тревожность и ощущение ужаса прослеживаются в символистском романе «Взвихренная Русь», вышедшем в 1927 году. В рассказе-вступлении «Бабушка» Ремизов олицетворяет Россию и задается вопросом: «Бабушка наша костромская, Россия наша, и зачем тебя потревожили? <...> И зачем эта глупая лавочница полезла с своим одеялом человека будить?» [3, с. 9]. Образ православной России напрямую связан с образом бабушки, так же как образ мальчика Пети – с мироощущением самого писателя в Москве, так похожей на Китеж-град. Именно на детство, отрочество и юность Ремизова пришелся расцвет народного православия конца XIX века. Писатель не единожды отмечал автобиографическую основу рассказа, события происходят в местах, где прошли детство и юность Алексея Ремизова. Поэтому и детали быта, и топографические приметы Москвы (храмы, улицы, переулки, ограды), и особенности будничной и праздничной жизни московских православных – все в рассказе точно. Совершенно ясно, что и описываемые Ремизовым иконы – образы Московских чудотворцев, хорошо известны ему.

Олицетворение из «Взвихренной Руси» перекликается с главной героиней рассказа «Петушок». Она воплощает в себе качества, присущие православной традиции: кротость, жертвенность, набожность, всепрощение и долготерпение.

Церковные праздники Ремизов использует, чтобы отмечать хронологию событий. Он не указывает даты, только называет дни (Воздвижение, Покров, Ильин день и так далее). С одной стороны, это обусловлено характером главной героини, бабушки Пети («Бабушка богомольная, не пропустила она ни одной службы») [1, с.548], с другой – демонстрирует глубокую связь между повседневной жизнью и православной культурой. Этот образ символизирует народное, неканоническое православие. Так фиксируется цикличность, повторяемость народной жизни. Когда не указана дата, неизвестен и год. Следовательно, нет и линейного хода времени – жить в этом дремлющем, проникнутом верой и ощущением чуда мире можно сколь угодно долго. Через восприятие героев Ремизов показывает глубокое знание православных традиций и праздников, московских и подмосковных храмов, церквей, монастырей.

В прозе Ремизова мотив юродства звучит довольно часто. Так, упоминается сохраняемая бабушкой Пети икона: «Московские чудотворцы – Максим блаженный, Василий блаженный, Иоанн юродивый – стоят один за другим – Василий наг, Максим с опояскою, Иоанн в белом хитоне, руки так – перед Кремлем московским» [1, с.553]. Следует отметить, что все три чудотворца – это реальные исторические личности, юродство которых совпадает по времени с тяжелыми для Москвы временами: правлением Ивана Грозного, Смутным временем, народными волнениями. Они закрывают руками Кремль, как бы защищая столицу от испытаний. Над Кремлем – Троица, святое для православия триединство, небесное заступничество.

Даже святые не могут уберечь Москву от безбожного хаоса: «И чувство, обуявшее улицы, врывающиеся в будничные дни и мысли светопреставлением, <...> смутным предчувствием беды какой-то напасти неминуемой, охватило старую душу бабушки у порога ее смерти» [1, с.558–559].

Нарастающие революционные настроения и предчувствия кровавых событий показаны Ремизовым через образ горящей Москвы на иконе с тремя юродивыми: «И вот ровно пещерные горы огненные Московских чудотворцев, и в яви огненные, огненными языками плыли на московский Кремль, и в ночи дымящее зарево разлилось над Москвою» [1, с.562]. Образ прежней православной Москвы резко контрастирует с образом народного восстания. Ремизов иллюстрирует это, сравнивая, например, установленный на баррикаде «кумачный» (ярко-красный) флаг с «воздухами» (покровами, используемыми в церкви) [1, с.564].

Неожиданно приходит к Пете, живущему с набожной бабушкой, его обнищавший отец, который приходится ей племянником и по ряду признаков – вор и каторжник. Он примыкает к революционно настроенным массам – носителям идеи разрушения и вседозволенности. В наивном детском восприятии образ отца-разбойника романтизирован: рассказы отца перекликаются с прежней мечтой ребенка стать разбойником, а потом уйти в монастырь. Только теперь Петя уже не думает о монастыре – он видит себя, по-прежнему с детским простодушием, разбойником [1, с.559–561]. Это очень символично с точки зрения утраты народом духовности, из-за чего глубоко переживает писатель – современник и очевидец революционных событий.

Крах всего, что было дорого бабушке Пети, Ремизов изображает одним коротким эпизодом: племянник-разбойник грабит ее, сворачивает шею любимому петушку, сам Петя случайно попадает под обстрел патруля и погибает. А позже и единственная индюшка издыхает от старости. Лаконичность повествования в этом месте наглядно демонстрирует беспощадность и неотвратимость всеобщего хаоса.

Нами уже проведена параллель между Петькой и петушком, не случайна одновременность их гибели. Однако есть здесь и более глубокие семиотические нити. Во-первых, в христианской традиции петух связан с символикой света и возрождения, бдительности по отношению ко злу (размещение фигурок петуха на флюгерах домов, а также церковей), кроме того петух также символизировал ангелов, небесное воинство [4, с.500–501; 5, с.76–78, 110, 260; 6, с.158–160, 310, 346, 371–372, 427, 589–590]. Невинных детей, каким по сути и являлся беззлобный Петька-Петушок, также называют ангелами. А главное, издревле, со времен еще Дмитрия Донского на московских монетах изображался петух: это самый древний христианский символ Москвы – Москвы православной, Москвы духовной [10]. И смерть петушка от рук разбойника, гибель Петьки-Петушка от случайной пули патруля тех же «разбойников» – это символ гибели Святой Москвы, всей Священной Руси. Москва здесь – богоугодный Китеж-град, подвергнувшийся вражьему нападению и исчезнувший, по преданию, в пучине. Обреченность предстоящей жизни Ремизов иллюстрирует словами самой бабушки: «пошла я свечечку поставить Ивану Осляничку обидящему, хочу поставить, а рука не подымается» [1, с.564]. И как Россия-матушка, так и эта богомольная старушка: «Все приняла бабушка. <...> Петушок идет, красно солнышко несет! – вспоминается бабушке, как Петька пел, часто-часто вспоминает она Петьку. Петушка своего» [1, с.564–566].

В самом конце рассказа писатель вновь вспоминает Московских чудотворцев: «Бабушка кивала головой и уж легко подымала руку так – так у Чудотворцев московских, у Максима блаженного, Василия блаженного, Иоанна юродивого так руки подняты, и рука не тряслась: это свечку держала она, свой горящий, неугасимый огонек, сжигающий в сердце последнюю, безвинную, горькую, стремительную обиду; и глаза ее тихо теплились: это вера светилась в глазах ее крепкая, нерушимая, доносящая до последних дней свечечку, огонек святой через все беды, через всякую напасть, через все лишения, когда уж все отнято» [1, с.564–566].

По преданию, исчезнувший в водах Китеж-град увидит лишь чистый сердцем, истинно верующий. По окончанию рассказа «Петушок» мы видим надежду писателя, что вера, все же, не угаснет в народе, Русь – богомольная бабушка – будет нести свой священный огонь. Писатель еще верит, что его Москва – святой Китеж-град – покажется из пучины, освободится от вихря напастей, верующие услышат ее чудотворные колокола, увидят святые маковки и кресты.

Фрагмент романа «Взвихренная Русь» – «Огненная мать-пустыня», написанного значительно позже, вновь воскрешает тему Московских чудотворцев из рассказа «Петушок». Ремизов сообщает, что вспо-

нил этот образ, увидев на Святках картину Петрова-Водкина с ужасающей батальной сценой. Речь идет о картине «На линии огня» 1916 года: на фоне задымленного поля боя бегут со штыками наперевес солдаты. У них безумные лица, сжатые губы, выкаченные глаза. Хорошо виден подстреленный, подсеченный очередью, как мальчик Петя, молодой боец [7]. Ремизов вспоминает московскую икону: «Три московских чудотворца – стоят они наги, а перед ними Москва-река течет, а за рекой московский Кремль с башнями, а направо вверх Троица, а осеняет чудотворцев дубрава» [3, с.26–27]. Очень показательна параллель между картиной, на которой изображены ужасы войны, и православной иконой.

Во фрагменте «Великая тощета» устами героини Акумовны Ремизов рассказывает о народном ужасе: народ уже пережил революцию 1905 года и теперь, в 1917 году, предчувствует новую беду. Молитвы и покаяние – последняя надежда («Ой, что будет-то, Господи») [3, с. 30–31]. Пожар революции глубоко волнует писателя, причиняет ему боль, что видно в разделе «Москва» из «Взвихренной Руси»: «О, моя поверженная родина, ты руки простираешь – или тебя посетил гнев Божий – Бог послал на тебя свой меч?», «О, родина моя обреченная: Богом покаранная – Богом посещенная!» [3, с.139–140].

Фрагмент VIII из раздела «Москва», во многом отсылает читателя к «Откровению Иоанна Богослова». Как Иоанн описывал свое апокалипсическое видение, так описывает и Ремизов: «Не гибель страшна, но нельзя умереть человеку во имя себя самого. Ибо не за что больше умирать, все погибло. И из бездны подымается ангел зла – серебряная пятигранная звезда над его головой с семью лучами, и страшен он. „Погибни во имя мое!“ И нет спасения свыше» [3, с.140–141]. Пятигранная звезда – очевидный намек на символ большевистского движения. Безбожные, отчаянные разбойники, которыми Ремизов видит восставших, для него – вестники хаоса, служители «ангела зла», разрушители сказочного православного мира.

Литература

1. Ремизов, А. М. Петушок / А. М. Ремизов // Собрание сочинений: в 10 т. – М. : Русская книга, 2000–2003. – Т. 3 : Рассказы, не вошедшие в циклы.
2. Мифы народов мира [Электронный ресурс] // Энциклопедия. Электронное издание. – М., 2008. С 1136. – Режим доступа: http://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf. – Дата доступа: 22.02.2017.
3. Ремизов, А. М. Взвихренная Русь / А. М. Ремизов // Собрание сочинений: в 10 т. – М. : Русская книга, 2000–2003. – Т. 5
4. Дебольский, Г. С. Православная церковь в ее таинствах богослужения, обрядах и требах / Г. С. Дебольский. – М., 1994.
5. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / редкол.: С. А. Токарев (гл.ред.) – М. : Советская Энциклопедия, 1980. – Т. 1.
6. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / редкол.: С. А. Токарев (гл.ред.) – М. : Советская Энциклопедия, 1982. – Т. 2.
7. Петров-Водкин, К. С. На линии огня. 1916 : [репродукция] / К. С. Петров-Водкин. – Частный некоммерческий портал Gallerix.ru. – Режим доступа: <https://gallerix.ru/album/Petrov-Vodkin/pic/glxr-860940551>. – Дата доступа: 18.02.2017.

E.N. Bukotsina-Isupova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

e-mail: zvezdaplenitelna@mail.ru

Mythopoetic image of Moscow in the story "Cockerel" of Alexey Remizov

Key words: mythopoetics, autobiographical space, motive of craziness, folk version of Orthodoxy, symbolical implication.

In article receptions of a mifopoetization of an image of Moscow in Alexey Remizov's prose on the example of the story "Cockerel", such as individual and author's semiotization geographical and historical spaces, updating of the myth about Kitezh hail reveal, creation of a national and orthodox motivic-shaped complex.

М.П. Варабей

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры

Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, сектар гісторыі беларускай літаратуры

Інстытута літаратуразнаўства імя Я. Купалы

3-Zna@mail.ru

УДК 821.161.3.09(092)

ЖАНРАВА-ТЭМАТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ГІСТАРЫЧНЫХ ГУТАРАК УЛАДЗІСЛАВА СЫРАКОМЛІ

Ключавыя словы: гістарычная гутарка, беларуская літаратура, гісторыя беларускай літаратуры, жанр, ліра-эпічны твор.

Артыкул звяртае ўвагу на маладаследаваныя гістарычныя гутаркі Уладзіслава Сыракомлі. На аснове разгледжанай гістарыяграфіі прасочваюцца розначытанні ў вызначэнні жанравай прыналежнасці гістарычных твораў (у прыватнасці, паэм і гутарак). Паводле зместу твораў акрэсліваюцца тэматычныя асаблівасці гістарычных гутарак У. Сыракомлі.

Людвік Кандратовіч, вядомы чытачу пад псеўданімам Уладзіслава Сыракомлі, нашчадак старажытнага роду герба Сыракомля, прыйшоў у літаратуру як прадстаўнік позняга рамантызму, у